

Моск. новости 1989. - 12 июля. - с. 9

ШОЛОХОВ О ПРОСЧЕТАХ

ВО ВРЕМЕНА КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Неизвестное письмо писателя

Рассказ «Судьба человека», опубликованный тридцать лет тому назад в «Правде», Михаил Александрович Шолохов посвятил Евгению Григорьевне Левицкой, члену КПСС с 1903 года.

В архиве Е. Г. Левицкой сохранились письма из Вешенской в Москву, которые писатель посылал ей, начиная с 1928 года, после знакомства в издательстве «Московский рабочий», выпустившем первые книги «Тихого Дона». Среди многих писем особое значение имеет то, что написано летом 1929 года во время хлебозаготовок на Дону. Они проводились с грубейшими нарушениями социалистической законности.

И хотя автор «Тихого Дона» был совсем еще молод (ему исполнилось в мае 24 года), уже тогда народ шел к нему за помощью в трудную минуту, а молодой писатель, отложив все свои литературные и личные дела, вставал на защиту попранный справедливости.

Предлагаемое вниманию читателей письмо М. А. Шолохова сыграло важную роль не только в жизни многих его земляков, но и в судьбе самого Михаила Александровича. Дело в том, что Е. Г. Левицкая, в те дни — заведующая библиотекой МК партии, получив тревожную весть с Дона, сочла, что

письмо М. А. Шолохова имеет важное политическое значение и оно должно стать известным в Центральном Комитете партии.

Евгения Григорьевна сняла с письма копию (сократив начало, последний, наиболее резкий, абзац письма, а также приписки) и передала ее через одного из секретарей МК партии Генеральному секретарю ЦК.

Сохранилась датированная 1955 годом записка Е. Г. Левицкой, приложенная к оригиналу письма М. А. Шолохова, где говорится:

«Это письмо, в котором так правдиво описаны перегибы при коллективизации, было перепечатано (указаны выписки) и передано Сталину вскоре после получения его мною».

В известном письме Феликсу Кону от 3 июля 1929 года И. В. Сталин характеризует автора «Тихого Дона» словами — «известный писатель нашего времени». Естественно предположить, что крик души М. А. Шолохова привлек его внимание.

Хотелось бы подчеркнуть: это впервые публикуемое письмо — яркий пример подлинной партийности, высокой гражданственности и патриотизма нашего великого современника.

Лев КОЛОДНЫЙ.

Вешенская
18 июня 1929 года

Вы меня простите, дорогой «шеф», за мое молчание. Я как-то оторвался и от Москвы, и от работы, и от знакомых и друзей. Письмо Вам первое мое из Вешенской. И все это потому, что вот уже полтора месяца, как творятся у нас нехорошие вещи. Я втянут в водоворот хлебозаготовок (литературу по боку!), и вот верчусь, помогаю тем, кого несправедливо обижают, езжу по районам и округам, наблюдаю и шибко «скорблю душой».

Когда читаешь в газетах короткие и розовые сообщения о том, что беднота и середнячество нажимают на кулака и тот хлеб везет — невольно приходит на ум не очень лестное сопоставление! Некогда, в годы гражданской войны, белые газеты столь же радостно вещали о «победах» на всех фронтах, о тесном союзе с «освобожденным казачеством»...

А вы бы поглядели, что творится у нас и в соседнем Нижне-Волжском крае. Жмут на кулака, а середняк уже раздавлен. Беднота голодает, имущество, вплоть до самоваров и полостей, продают в Хоперском округе у самого истого середняка, зачастую даже маломощного. Народ звереет, настроение подавленное, на будущий год посевной клин катастрофически уменьшится. И как следствие умело проведенного нажима на кулака является факт (чудовищный факт!) появления на территории соседнего округа оформившихся политических банд.

Вчера меня разбудили в 2 часа ночи вешенские милиционеры. Прибежали за седлом. Выезжала конная разведка верст за 25, так как банда ожидалась в районе одного из наших сельсоветов.

Сегодня выяснено: банда численностью в несколько десятков сабель (конная) пошла в глубь Хоперского округа. Вновь возвращается 1921 год, и если дело будет идти таким ходом и дальше, то к осени край будет наводнен этими мелкими летучими отрядами. Горючего материала много. Об этом свидетельствует и наш авторитетный орган, выславший отряд по борьбе с бандитизмом, что же это такое, братцы? Дожили до ручки? В 29-м году — и банда. Ужасно нелепо и дико. Если их не разгромят, то они уйдут в Красную Дубраву (лес протяжением на многие десятки

верст в 40 верстах от Вешенской), и оттуда их не выкуришь никак и ничем. Там в 1921 году полтора года жили бело-зеленые, их жгли, выкуривали, извели несколько десятков леса и не выкурили. Лес в гористой и овражистой местности. Жили они там и лишь в 22-м году вышли добровольно, по амнистии.

Мне не хочется приводить примеров, как проводили хлебозаготовки в Хоперском округе, как хозяйничали там районные власти. Важно то, что им (незаконно обложенным) не давали документов на выезд в край или Москву, запретили почте принимать телеграммы во ВЦИК, и десятки людей ехали в Вешенскую (другой край, Северокавказский), слали отсюда Калинин телеграммы, просили, униженно выпрашивали, а оттуда лаконические стереотипные ответы: «Дело Ваше передано рассмотрению округа». Один парень — казак хутора Скулядного, ушедший в 1919 году добровольцем в Красную Армию, проживший в ней 6 лет, красный командир — два года, до 1927 года, работал председателем сельсовета. В этом году имел: в полторы десятины посева, лошадь, 2 быка, 1 корову и 7 душ семьи, уплачивал налог единый сельскохозяйственный в размере 29 рублей, хлеба вывез 155 пудов (до самообложения чрезвычайной комиссии в размере 200 пудов, в четырехкратной замене 800 рублей). У него продали все вплоть до семенного хлеба и курей.

Забрали тягло, одежду, самовар, оставили только стены дома. Он приезжал ко мне еще с 2 красноармейцами. В телеграмме Калинин они прямо сказали: «Нас разорили хуже, чем нас разорили в 1919 году белые». И в разговоре со мною горько улыбался. «Те, — говорит, — хоть брали только хлеб да лошадей, а своя родимая власть забрала до нитки. Одеяло у детишек взяли. Просил, купить хотел, взял бы денег взаимы». «Нет, — мол, — денег нам не нужно, лови четырнадцать штук курей». Вот эти районы и дали банду. А что творилось в апреле, в мае! Конфискованный скот гиб на станичных базах, кобылы жеребились, и жеребят пожирали свиньи (скот весь был на одних базах), и все это на глазах у тех, кто ночи не досыпал, ходил и глядел за кобылицами... После этого и давайте говорить о союзе с середняком. Ведь

все это проделывалось в отношении середняка.

Я работал в жесткие годы, 1921—1922 годах на продрозверстке. Я вел крутую линию, да и время было крутое; шибко я комиссарил, был судим ревтрибуналом за превышение власти, а вот этаких «делов» даже тогда не слышал, чтобы делали.

Верно говорит Артем*: «Взять бы их на густые решета...» Я тоже подписываюсь: надо на густые решета взять всех, вплоть до Калинина; всех, кто лицемерно, по-фарисейски вопит о союзе с середняком и одновременно душит этого середняка.

Как видите, написал это письмо 18-го, отсылаю сейчас... Может быть, это объяснит Вам мое молчание. На днях ГПУ ликвидировало зачатки банды в нашем районе (Антиповский сельсовет). О себе что же? Не работаю. Уезжаю завтра в Ростов. Подавлен. Все опротивело. В Москву не поеду до осени.

Из Ростова приеду недели через полторы. Черкните в Вешенскую, что и как Вы.

Крепко жму руку.

М. Ш.

Писал кравцову прокурору Нижне-Волжского края. Молчит гадюка, как воды в рот набрал. Не снисходит до ответа.

Со сборником** — как хотите. Хоть совсем не печатайте. Привет Игорю, Маргарите, дедушке***, ежели он в Москве. Желая Вам всего, всего хорошего.

Ваш М. Шолохов.
2.VII.29 года

* Артем — Артем Веселый (1899—1939 гг.), писатель, М. А. Шолохов цитирует его рассказ «Босая правда».

** Речь идет о сборнике рассказов М. А. Шолохова, переизданию которых содействовала Е. Г. Левицкая, будучи до 1929 года сотрудником издательства «Московский рабочий».

*** Игорь, Маргарита, дедушка — дети и брат Е. Г. Левицкой.